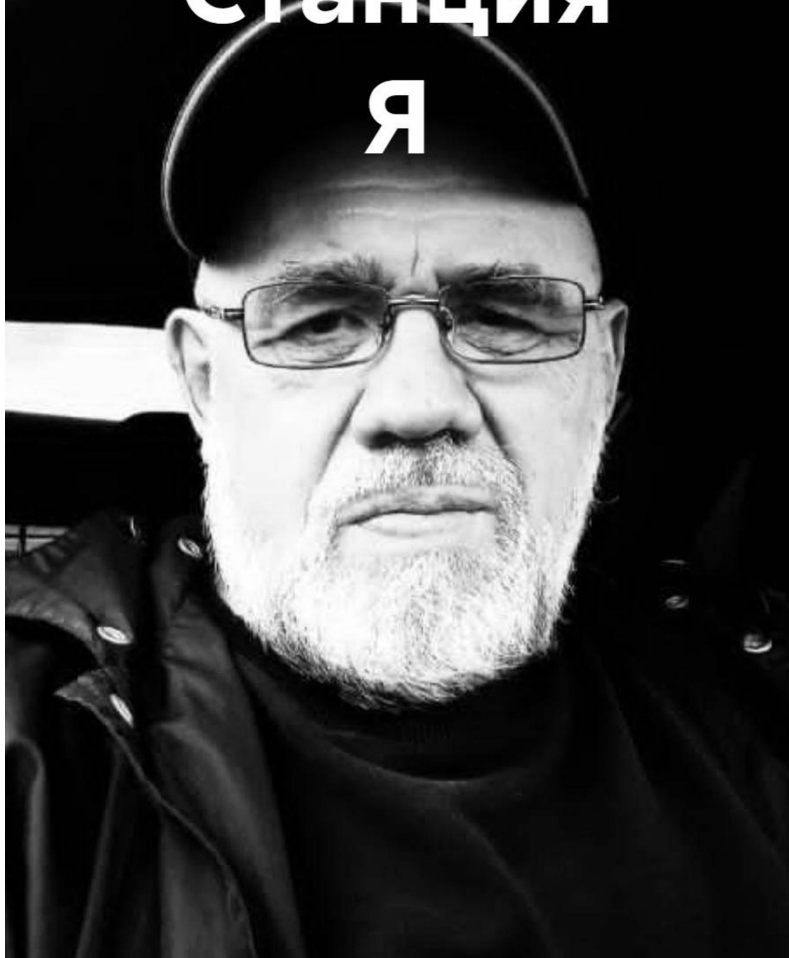

Павел Лебединец

Станция Я

Павел Лебединец

Станция Я

<https://litres.ru/74413274>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор не изучал Трансерфинг. Он прожил его.

Он уходил в другие реальности, видел варианты будущего, возвращался — и менял настоящее. Он представлял дом, который хотел построить, — и нашёл его. Он отпускал прошлое — и любовь вернулась к нему. Он просто делал это, не зная названий.

«Станция Я» — не теоретический учебник. Это живой опыт человека, который прошёл через дно и вышел к свету. Он рассказывает, как научился слышать свой внутренний голос, как визуализация стала реальностью, и как он перестал бороться с жизнью — и позволил ей течь.

Для тех, кто устал искать ответы в книгах и хочет увидеть, как это работает на реальном примере. Вы не одиноки. Нас много. Эта книга — приглашение в путешествие домой.

Павел Лебединец

Станция Я

Глава 1

СТАНЦИЯ Я

Эпиграф

Я долго искал дом на карте и не находил. Потом понял: дом начинается там, где человек перестаёт отворачиваться от себя.

Пролог. Ночной поезд

Поезд шёл на Москву всю ночь. Он не мчался, не спешил, а будто упрямо проталкивался сквозь темноту, через поля, редкие станции и мокрые огни, размазанные дождём по стеклу. Вагон слегка покачивало. Где-то за стенкой звякали ложечки в стаканах, кто-то проходил по коридору в тапочках, двери купе вздыхали и снова смыкались.

Я сидел у окна и смотрел на своё отражение.

Шестьдесят лет. Седина. Лицо человека, который слишком много раз начинал сначала и слишком часто делал вид, что ничего страшного не произошло. В стекле я видел не только себя сегодняшнего. За моей спиной, в тёмном провале окна, будто стояли все мои прежние жизни: мальчик с книгой, солдат после армии, пьяный мужчина перед трюмо, пациент в белой палате, хозяин маленького дома у реки, отец, который поздно пришёл просить прощения.

Поезд стучал ровно, но внутри меня всё было неровно.

Я ехал в Москву к врачу. Так я объяснял это другим. Так было проще. Меньше вопросов, меньше странных взглядов. В последние годы тело уже не просило помощи, оно требовало её. Сердце сбивалось, нервы сдавали, головные боли стали привычным фоном, insult оставил после себя тень, которую невозможно было прогнать одной силой воли. Местные врачи лечили как умели, назначали таблетки, успокаивали,

разводили руками.

Но внутри я знал: ответ будет не здесь. Ответ ждёт в Москве.

Это знание не было мыслью. Мысли спорят, сомневаются, доказывают. А это стояло тихо и прочно, как камень на дне реки. Я не знал, каким путём всё случится, кто позвонит, кто откроет дверь, но знал: однажды я сяду в поезд.

И вот я сидел.

За стеклом проплывала ночь, а вместе с ней всё, о чём я молчал пятнадцать лет. Видения. Сны, после которых не хотелось просыпаться. Чужие города, знакомые до боли. Вода под ногами. Небо, которое я помнил не глазами, а всем телом. Сначала я думал, что это болезнь. Потом пытался не думать. Потом лечился. Потом устал лечить то, что не хотелось уходить.

Я смотрел в окно и вдруг понял: этот поезд везёт меня не только к врачу. Он везёт меня к разговору, которого я избегал всю жизнь.

Кто ты? Вопрос поднялся изнутри так ясно, что я почти услышал его поверх стука колёс.

И в ту же минуту дверь купе открылась.

Часть первая. Попутчики

Купе

Сначала вошёл Сергей. Лет пятидесяти, в тёмной куртке, с ноутбучной сумкой и лицом человека, который давно привык быть полезным, но разучился радоваться. Он поздоровался коротко, положил вещи, сел у двери и сразу посмотрел в телефон. Не читал, не писал — просто держался за экран, как за привычку. Потом пришёл Василий. Большой, тяжёлый, с красным лицом и ладонями, на которых работа лежала как второй слой кожи. Он поставил сумку под полку, крикнул, достал чай, сахар, сухари. Двигался медленно, экономно, как люди, которые знают цену каждому лишнему движению. Последней вошла Ира. Худошавая, собранная, короткая стрижка, очки. В руках книга на немецком. Она извинилась, хотя никому не мешала, поставила рюкзак, села напротив меня и открыла книгу на середине. Через десять минут я понял, что она не прочитала ни страницы.

Мы ехали молча.

Есть молчание пустое, когда людям нечего сказать. А есть другое — плотное, натянутое, как ткань перед разрывом. В нашем купе было именно такое. Каждый сидел в собственной жизни, но что-то общее уже присутствовало между на-

ми. Я чувствовал это почти физически: будто поезд собрал нас не случайно, будто дверь закрылась не за четырьмя пассажирами, а за четырьмя тайнами.

За окном пошёл дождь. Василий налил чай. Сергей убрал телефон. Ира перевернула страницу, не глядя в книгу.

Я не собирался говорить. Правда. В такие разговоры не входят по плану. Но иногда слова сами находят щель, через которую можно выйти наружу.

— Скажите, — произнёс я, глядя не на них, а в окно, — у вас бывало чувство, что вы живёте не одну жизнь?

Все трое подняли глаза.

Я мог остановиться. Сказать: ерунда, не обращайтесь внимания. Пошутить. Спрятаться обратно.

Но поезд уже шёл.

— Что видели себя где-то ещё, — продолжил я. — В другом времени. В другом теле. Что есть место, которого нет на карте, но вы его помните. Что во сне можете идти по воде и это кажется настоящим.

В купе стало тихо. Даже стук колёс будто отступил на шаг. Первой ответила Ира.

Она закрыла книгу и оставила палец между страницами.

— Каждое утро, — сказала она.

Голос у неё был ровный, но в этом ровном голосе вдруг появилась трещина. — Я просыпаюсь и несколько секунд не понимаю, где я. Иногда мне кажется, что я вернулась не туда. Как будто настоящая жизнь осталась по другую сторону сна,

а эта... эта просто продолжение, к которому я снова должна привыкнуть. Сергей усмехнулся, но усмешка вышла не насмешливой, а усталой.

— У меня есть улица, — сказал он. — Снится двадцать лет. Одна и та же. Я знаю там каждый подъезд, каждую трещину в асфальте. Иногда думаю: если умру, проснусь именно там.

Василий долго молчал. Его большая рука лежала на стакане, пальцы медленно сжимали стекло в металлическом подстаканнике. — Ночью, когда один по трассе, бывает такое поле, — сказал он наконец. — Луна, туман низко, ни машин, ни домов. И вдруг понимаю: я уже тут был. Не вчера, не в детстве. До рождения.

Он сказал это и отвернулся, будто пожалел.

Но поздно было жалеть.

Мы смотрели друг на друга, и между нами происходило что-то редкое: люди переставали защищаться. Мы не знали биографий, фамилий, чужих ошибок. Зато знали главное: каждый из нас носил внутри дверь, о которой нельзя было рассказывать вслух.

— Я думал, что один такой, — сказал Сергей.

Ира тихо рассмеялась.

— Все так думают.

Я тогда понял: книга уже началась. Не на бумаге, не в голове. Она началась в этом купе, где четыре человека на несколько часов перестали быть нормальными и поэтому

впервые стали настоящими.

Мальчик, который смотрел вверх

В детстве я часто лежал в траве и смотрел на облака. Для взрослых облака были погодой. Для меня — границей. Я не мог поверить, что небо просто заканчивается. За ним обязательно должно было быть что-то ещё: другая высота, другой город, другой порядок, в котором всё объясняется.

Я мог часами наблюдать за муравьями. Они шли по своим тропам, не спорили с маршрутом, не спрашивали, зачем живут. У каждого была ноша и направление. Мне это казалось чудом. Я не знал, куда иду. Уже тогда не знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.